

Глава пятая. Обол.

«Лежит птица, не шавелица» – это про меня. Когда тело окончательно дало сбой, только и остаётся, что лежать и думать. Благо что разум, как у любого мастера оккультных искусств, у меня давно уже не зависит от мозга... напрямую.

Как-то в этом мире всё началось... так себе, и становилось всё хуже и хуже. Сначала «легкое» опьянение от возможности... да от всех возможностей, которых я был лишен столетиями. Вдыхать морской воздух, ощущать капли влаги и дуновения ветерка на коже, взрыхлять пальцами песок, чувствуя каждую песчинку. И даже боль... простая людская боль, и близко не стоящая с душевной агонией. Она бодрила, да, но... как и прочие чувства, стала лишь кирпичиком в фундаменте зарождающегося безумия. Слишком долго я был лишен слишком многого, чтобы вот так вот сразу перебороть эту слабость.

А после по нарастающей: напитка чужой жизнью, дабы исцелиться; касание души этого мира, дабы познать его суть; встреча с богиней и осознание собственной жажды по её благословлению... Всё это послужило материалом для выстраивания сумасшедшего дома в моём разуме, а бездумное использование высших духовных энергий из только-только восстановленной души окончательно сорвало у этого дома крышу. И при этом помогло, хотя бы чуть-чуть, но прийти в себя. Не продолжить бесполезную охоту на незнакомых мне существ, а что есть мочи рвануть к морю – единственному шансу на выживание. Туда, где сможет возродиться мой давний друг. Туда, где построится наша связь, окрепнут наши узы. В безопасность, где можно спокойно отдохнуть, подумать, принять новую действительность. И где действия мои не приведут к скоротечной смерти.

Вот так и вышло, что лежу я под защитой Голландца. Лежу, дышу, да пытаюсь восстановить в памяти события последних дней. Лежу и удивляюсь, сколь мощным катком все они прошли по рассудку. И с каждым новым осознанным фактом всё большее оцепенение накатывает на меня. Стоило лишь отринуть бесконтрольные эмоции да вернувшиеся чувства, как голое знание било струёй ледяной воды за шиворот, столь холодной, что пробирало до самого нутра.

Мечник, способный растянуть оболочку души на своё оружие... При том что само оружие не является духовным! Он ведь осознанно размягчал то, что должно служить непробиваемой защитой, а такое просто нельзя сделать случайно. И не он один... Сразу несколько из встреченных тут противников обладали этой мягкостью, тягучестью... зачем? Зачем они намеренно ослабляют себя? Ради лишь сиюминутной выгоды?! И, главное, какой выгоды? В чем она заключается? Возможность коснуться чужого духа? Нанести удар через собственную же оболочку души? Против обычных людей – сойдет. Да и против таких же ослов, если те слабее – тоже. Возможно, даже полностью духовные создания – призраки и иже с ними, тоже мало что смогут сделать против такой атаки, но... Любое, абсолютно любое разумное существо, что способно осознанно управлять энергией души высшего порядка, не то что прорвёт такую оболочку... оно её даже не заметит! Это мне эти олухи нужны в качестве ресурсов, и обнулять их дальнейший путь в потоке душ нет никакого смысла, куда проще «стянуть» столь податливый материал своей силой, сковав не только дух, но и тело. Но ведь помимо меня тут есть и другие монстры! Даже если не брать в расчет здешнего Вечного, есть еще та парочка, с кусками чужих душ внутри. Они ведь не апостолы и не жрецы... хотя и то, что покоилось внутри них, никак не могло принадлежать высшим Богам или даже Вечным – слишком слабые фрагменты, да и вкус силы не тот. Совсем не тот. Но даже так, фрагменты над слабыми сущностями были очень, очень сильными. Даже куски этих душ оказались сильнее меня, а уж целое – и подавно. Отсюда идёт логичное заключение: если есть кусок, то когда-то было целое, а если где-то было такое целое, то не факт, что оно было одно. И не факт, что больше их не осталось. И вновь возникает вопрос: если по миру бродят чудовища, уровня древних монстров

родного моего мира, то почему здешние оккультисты стараются размягчить свое основное оружие, а не закалить его? Это ведь бред! Хотя... Учитывая, что фрагменты сильных душ, по какой-то абсолютно неведомой для меня причине, не только не захватывали основу, что слабее их на порядки, но выступали полноценной батареей для неё, складывается ощущение, что чего-то я явно не знаю. Не понимаю. И это интригует.

Чем больше думаю – тем больше вопросов... И ответов на них не дал даже контакт с самим миром – будь он проклят! Не мир – контакт, ибо то, что он дал мне, повлияло на рассудок едва ли не больше, чем все предыдущие открытия. Ведь что есть душа мира? Источник общего духовного фона планеты, и чем планета древнее, тем сильнее тот источник. Здешний мир силён. И стар. Он намного древнее моего прошлого. А значит, что и мистических существностей здесь рождается куда больше, чем в прошлом моем мире. Если там кто-то уровня Посейдона считался верхней градацией силы, и некоторое время самозванный бог морей мог соперничать даже с Калипсо, пока моя Богиня не сожрала всех его сынков и его самого в придачу, не без моей помощи, конечно... то здесь этот самый Посейдон явился бы на несколько миллионов лет раньше, и уже давно стал бы Вечным – творцом, способным создать свою собственную планету из ничего. Это старый мир, и я не удивился бы, окажись тут под десяток созданий такой силы, но... нет! Он был здесь один. Один-единственный источник силы, что присосался к душе планеты и единолично впитывал всю её энергию.

Что здесь страшного? Эта тварь меня увидела. Почувствовала, осознала моё присутствие, сконцентрировала на мне всё свое внимание. От существа такого уровня силы подобное ощущается очень чётко, особенно если уметь слушать. А я умел. И услышанное мне не понравилось. Единственный правитель, здешний наместник, Верховный Бог этой планеты... фонил страхом. Первобытным ужасом. Фонил в мою сторону, да так сильно, что у меня окончательно поплыл рассудок! Я помню свои мысли: в ту самую секунду я вдруг осознал, что мир уже у моих ног. Что я уже могу передать его своей Богине... Возможно, не шибани меня так сильно, и я не стал бы проводить ритуал призыва едва ли не в чистом поле, да еще и всего лишь с одной жертвой. Но что сделано то сделано, и, спасибо этому своему импульсу, а также милости Калипсо, я до сих пор жив.

Это сейчас я прекрасно понимаю ту грань, по которой прошелся. Ведь как отреагирует кто-то уровня Вечного на источник подобного ужаса, когда он – вот он: лишь рукой протяни? Вдарит по этому источнику всем что у него есть, а если не поможет – схлопнет вокруг него вселенную, или, если то лишь начинающий Вечный, уничтожит всю планету вместе с угрозой. После такого от меня осталась бы лишь пыль, тонким слоем развеянная по бытию. Очевидно, что подобного не произошло лишь из-за влияния Калипсо. Я никак не могу понять, что именно она сделала, но пустить целую аватару, да при настолько формальном ритуале призыва... не знаю, как много энергии это отняло у неё, но факт – я до сих пор жив. И это не может не радовать.

И что же из всего этого выходит? Ну, во-первых, обращаться к миру... не надо. Один раз повезло, а до второго лучше не доводить. Во-вторых... не знаю... даже не представляю! Я с таким никогда не сталкивался, что подтверждает сам факт моего существования! Даже будучи бессмертным чудовищем, что столетиями питалось энергией разлагающихся душ, даже тогда мне хватало рассудку не рыпаться на Вечных... Ну, кроме Калипсо, но там была особая ситуация.

Защита Калипсо должна была кончиться уже давно, но я до сих пор жив. Существо с силой близкой к создателю миров, и не может меня найти? Смешно! Но ничего другого в голову не приходит. Оно точно меня боялось, уж эмоции-то различать я способен. И оно достаточно сильно, чтобы уничтожить мою душу одним чихом, что бы там с ней ни наворотила богиня. Но, вопреки любой логике и прогнозам, я до сих пор жив. Небеса не стремятся обрушиться на

голову, планета не пытается поглотить меня вместе с кораблем, и даже в духовном плане я не припомню не только, чтобы каких-либо атак, но даже повышенного внимания, что от создания такой силы должно корабельными залпами бить по восприятию. Ничего! Он словно забыл обо мне...

Жить, зная, что где-то там бродит враг уровня Вечного, чьё мимолетное желание способно стереть твою душу из мироздания, и не понимать, почему этого до сих пор не произошло... не хочу. Уже однажды я прошел через это, думая, что угодил в рабство к Калипсо. Существовал съедаемый яростью, страхом и болью, что рождалась в груди от осознания «предательства» любимой... Абсолютно один, но в окружении тысяч, миллионов душ... что и сами готовы поделиться скорбью, но никак не принять чужую. Не хочу. Эта дорога ведет к безумию, и второй раз по ней я не пойду. Где-то там есть тварь недосыгаемого уровня? Плевать! За моей спиной стоит куда более опасное Божество, и пока я сам верю в лояльность покровителя, она не посмеет меня оставить. Возможно, именно её печать, её энергия в моей душе и является тем, что удерживает здешнего владыку. А может, тот действительно не может, или не хочет искать со мной встречи. Какая, в сущности, разница, если я до сих пор жив? Нельзя второй раз идти по пути страха, но и забывать о возможном враге не стоит – вот и всё.

С первой проблемой я худо-бедно определился, но остается вторая, уровнем повыше. Калипсо. Моя Богиня – не проблема, и сейчас, когда пелена безумия оказалась смыта подчистую, я точно могу сказать, кому принадлежит сердце этого смертного. Проблема в... целях Богини. Непредсказуемая, капризная... даже опытный моряк не может прочесть её намерений. Владычица морей и океанов столь же сложна в понимании, как и её стихия. С какой целью она отправила меня в этот мир? «Станешь сильнее, или умрешь! А заодно исправишь проблемы, связанные с моим отсутствием». Так она сказала, и слова эти я помню отчетливо, несмотря на сопровождающую их боль. Но что они значат? Стать сильнее? Это я могу, и даже уже знаю как, но вот вторая часть... которая «заодно». Явно ведь именно она основная в этом задании! Стать сильнее можно было и не выходя из её обители... конечно, она хотела, чтобы я сам заработал свою силу, но зачем тогда было править мою душу?

Эх, мне нужна информация. Много информации. О том что было, о том что есть, о том что будет в этом мире... Пожалуй, я даже знаю, с чего начать. Да и тело моё уже пришло в норму, судя по ощущениям. Связь с Голландцем вошла в полную силу, а значит использование духовных сил не будет так сильно шибать по мозгам. Можно пробуждаться.

Открыв глаза, бледнокожий мужчина наткнулся взглядом на деревянный потолок. Очень знакомый, но в то же время совсем не такой, каким он его помнил: гладкий, лакированный, с резными лепнинами по углам. Каюта капитана. Вечно черная, мрачная, сырая. Из серых досок здесь всегда тёк гной, а в углах и особо тёмных укромках можно было найти различных морских гадов. Дейви уже и не помнил свое пристанище другим, но тем не менее тут же узнал его, стоило лишь привстать с кровати и осмотреться.

Просторное светлое помещение без грамма пыли. Столь свежее дерево, что кажется – коснись, и лак с него отпечатается на ладони. Чистые ткани, без грамма гнили. Кровать, оголовьем к стенке, широкое окно, закрытое шелковыми портьерами по правую руку, и деревянная резная ширма, от пола до потолка, по левую. Босые ноги коснулись пушистого ковра золотого отлива – шкура Немейского льва, которую бравый пират когда-то давно отбил у расслабившегося в открытом океане «героя»... даже такой материал, в прошлом, не выдержал гнилостной ауры корабля Джонса, из золотого полотнища став чёрной склизкой тряпкой, а ныне вновь вернул себе первозданный лоск.

Рука капитана огладила пуховое одеяло, из-под которого тот недавно вылез, другая надавила на подушку, что как по волшебству вернула себе форму... Далекие столетия назад они согревали его смертное тело в холодном краю мёртвых душ. Джонсу казалось, что вся эта картина была взята прямиком из его воспоминаний, и даже легкий запах древесных опилок, витающий в воздухе, полностью им соответствовал. Пусть на мгновение, но он вновь перенесся в те времена, когда был всего лишь безумно влюбленным мужчиной, принимающим подарок от своей Богини. С верой в сердце и счастливым медальоном в кармане он готовился отправиться в далекое путешествие, посвященное одной лишь ей. Лучшие времена...

В суровую реальность капитан вернулся усилием воли. Поднялся с кровати, осмотрев свое голое тело на наличие ран или новых шрамов, и, отметив парочку чуть более бледных, нежели остальная кожа, пятен и полос, направился к шкафу. Дейви не нравилось ходить голым, пусть даже в своих собственных владениях. Мягкий ворс приятно обволакивал стопу, необычный лазурный свет вливался через неплотно зашторенное окно, древесный запах чуть щекотал ноздри... как легко было забыться в гамме чувств, и как больно было вырваться из этого забытия.

Едва пират миновал ширму, что прикрывала ложе от прихожей капитанской каюты, как сердце его накрыла волна противоречивых чувств. Там, в дальней части каюты, минуя проход к лестнице на палубу, минуя чайный столик с диванами, обходя крупный обеденный стол с парой стульев за ним, взгляд Дейви прикипел к Нему. Три ряда белесых клавиш, вырезанных из костей левиафана - древнего китообразного чудовища из морских глубин, разбитых черными - деревянными, из обсидианового дерева, что растёт в самых глубоких местах подводных вулканов, где горячая магма только-только начинает застывать под воздействием водных масс. Остов из бежевого, отдающего розоватыми переливами коралла. Ряд мелких труб, с человеческую руку толщиной, и огромное множество крупных, куда способен влезть и сам человек, занимал не только всю дальнюю стену каюты, но и продолжался по боковым. Одни из них короткие, едва достигающие пояса пирата, другие - длинные, кончающиеся под самым потолком.

Ценнейший инструмент капитана, созданный лично им самим. Артефакт, что давно уже утратил все свои свойства. Орган повелителя глубин. Новый, с иголки, как и всё здесь. Не черный, потрескавшийся агрегат, большая часть труб которого могла лишь жалобно булькать, а произведение искусства древнего мастера, каким и являлся в своей сути Джонс. Лицезрение этого артефакта в первозданном виде - всё равно что удар под дых для пирата. Остатки мыслей, что так и роились под сводами черепной коробки, упорхнули, оставив после себя лишь звенящую пустоту. Сомнамбулой он двигался вперед, забыв о желании одеться, не чувствуя, как лоснящаяся шерсть сменяется холодными деревянными досками, не видя мебель на своем пути. Сами собой задвинулись стулья, к дивану приблизился чайный столик, и даже вбитые в пол подсвечники, и те умудрились сместиться... Ничто, ни единый предмет убранства не посмел встать между Дейви и его Шедевром.

Пират опустился на стул, аккуратно коснувшись клавиши: поглаживая, но не давя. Дыхание спёрло, даже сип не мог покинуть груди. Медленно и плавно, не находя сопротивления, палец опустился вниз, и вместе с ним зазвучала протяжная нота.

- Х-а-а-а... - с ощущим удовольствием выдохнул Дейви.

Его руки легли на инструмент. Длина пальцев позволяла одновременно касаться клавиш двух соседних рядов, и пусть конечности слегка подрагивали, но занять правильную формацию им это не помешало. Столетия Капитан Голландца использовал орган, чтобы почувствовать хоть что-то отличное от вечных мук. Чтобы выразить всю скорбь и боль, что терзала его душу. Игра

приносила облегчение, и пусть она не унимала нестерпимой ярости, не приглушала безумия, но позволяла забыть о них. Долгие часы музицирования проходили в один миг, отправляя изможденный разум в приятное забытие. Но это было раньше. Когда Джонс уже лишился своих длинных пальцев, обретя вместо них непробиваемую клешню и когтистые отростки. Когда единственным средством игры стала осьминожья борода, касание щупалец которой оскверняло святой инструмент.

Сейчас всё иначе. Медленно и неуверенно, руки музыканта брали первые аккорды. Из труб полилась громкая, но ненавязчивая мелодия. Плавная, окутывающая, чарующая. Нерешительная поначалу, словно первая встреча двух друзей спустя бесчисленные годы расставания, но постепенно убыстряющая свой темп, в котором рождались искры счастливых совместных воспоминаний. Руки порхали по клавишам с невиданным темпом, ноги плавно кочевали с педали на педаль, а сам Джонс... он сидел, с идеально прямой осанкой, запрокинув голову кверху, и на щеках его виднелись мокрые дорожки, берущие свое начало из-под закрытых век.

Пробуждение Одеска было до жути неприятным. Тело ныло, голова трещала, во рту привкус крови, а в ноздрях – рвоты, испражнений и невымытых тел. Попервой все эти «прелести» остались им незамеченными, ведь внимание капитана четвертого подразделения правительственной службы утонуло в кружащей вокруг какофонии. Дикий рёв, дальний визг, тихий скрежет, но в самом ухе. Всё это навалилось разом, вводя рассудок в исступление.

Мужчина задергался, на рефлексх попытавшись сменить дислокацию: уйти из-под удара – бесполезно. Руки, ноги, торс и шею сковывали тугие путы, вырваться не выходило. Воля... Капитан обратился внутрь себя, стараясь прислушаться к окружению, но не видел ничего. Хаки наблюдения молчала, игнорируя позывы своего пользователя. Тогда он вновь попытался разорвать оковы, привычно потянув откуда-то из глубин своего сознания нечто необъятное. Наружу, к коже рук. Тянул до самого предела, пока сопротивление этого «нечто» не стало непреодолимым – оба предплечья его окрасились в черный цвет, значительно усилив взрывной потенциал мышц да укрепив кожный покров, кости и связки. Но мало того, что разорвать путы не вышло, так еще и покров хаки вооружения резко спал, а сам Одеска ощутил дикую слабость во всем теле.

Вся та боль, что испытывал организм, разом навалилась с новой силой, отчего сам собой вырвался протяжный стон. Впрочем, вряд ли кто-то мог его услышать. Какофония звуков, что только-только начала проясняться в сознании капитана, заглушала всё и всех. Вокруг темнота, дышать было тяжело – голову покрывал какой-то тканевый мешок, а в уши продолжала вливаться громоподобная трель, ввинчиваясь в и без того казавшиеся воспаленными мозги.

Неизвестно сколько прошло времени, прежде чем мужчина сумел распознать музыку в адских звуках. До безумия громких, крайне странных, но достаточно складных, чтобы суметь отличить слуховые галлюцинации от музыкальной композиции. И, конечно, легче от осознания не становилось, но теперь Одеска мог хотя бы попытаться отвлечься от сводящей с ума боли. А чуть позже отпустила и слабость, вызванная попыткой воспользоваться волей, и предпринимать вторую пленник не спешил.

Пожалуй, в один момент он даже начал получать некоторое удовольствие... достаточно извращенное, для его-то положения. Капитан СП-6 был тем еще эстетом в своей гражданской жизни, отчего, не кривя душой, он мог признать: звуки неизвестного музыкального инструмента были необычны, но притягательны.

«Возможно, такое пришлось бы к месту на приеме у одного из святых», – рассеянно витало в его голове. Что угодно, лишь бы не обращать внимания на боль.

Словно услышав мысль капитана, композиция оборвалась. Не завершилась, а резко пропала, заставив эстета поморщиться. Сквозь оставшийся в ушах звон сознания Одеска настигли и другие звуки... куда более жуткие. Стоны. Множество болезненных стонов. Криков среди них не было, как и какой-либо речи: связной или горячего бормотания. Он вслушивался, и слышал всё больше и больше: далекое журчание, скрип веревки о дерево, тихий ветряной гул... громкие шаги, едва различимые по расстоянию. Справа раздался испуганный крик, резко удалившиеся вниз, и, кажется, визгливый свист, с каким тугой канат проскальзывает по деревянной балке.

- Ублю... кх-х...

Одеска узнал голос подчиненного, и ему совсем не понравилось ни то, что раздался он далеко внизу, ни то, что он сразу оборвался, сменившись единственным хрипом и звенящей тишиной. Мимоходом он отметил, как заглохли стоны вокруг – кем бы ни были другие пленные, они тоже стали прислушиваться, затаив дыхание.

- Как интересно...

Едва образ голого вторженца соткался в голове капитана, навеванный гласом незнакомца, как вновь он ощутил колоссальную слабость, а за ней – падение. Одеска плотно сжал зубы, чтобы не вскрикнуть, а после лишь усилил давление челюстей – веревки сдавили мышцы, резко останавливая вялое тело. В стянутом горле нещадно запершило, аж до слёз. Мужчина зажмурился от яркого света: кто-то сдернул с его головы мешок.

- Ну что ты, не плачь. Тебе почти не будет больно.

О-о-о, этот взгляд. Один из самых редких на моей памяти. Еще будучи обезумевшим ублюдком, что вкушал удовольствие от терзания пока еще живых душ, я реже всех видел именно такие глаза. Они не полнились страхом или бессильной яростью – самые популярные варианты. Нет. Они прошибали холодной отстранённостью, с какой мясник разглядывает очередную тушу и думает: “какой же кусок здесь лучший?”. Капитан Одеска Карлос, лидер четвертого подразделения правительственной организации тайных убийц, шпионов, диверсантов... шестерок всевозможных мастей и пород – вот что дала информация из души одного из его подчиненных. И этот самый лидер уже заочно записал меня в трупы. Даже нынешнее положение его тела не играло никакой роли.

На скорую руку мне удалось считать лишь самые ранние воспоминания и ближайšie к ним ассоциации, частично разрушив душу подчинённого Одеска, но и этого оказалось достаточно, чтобы осознать личность моего пленного... и понять, какого вообще черта, спустившись на главную палубу, я узрел толпу висельников на стропилах моего судна. Высоко, в тридцати метрах над землей, кучка полудурков удерживались Голландцем вместо паруса. Словно мухи в паутине. А паук и доволен, посылает по нашей связи желание вкусить свои первые души. Собственно, с последним всё оказалось проще некуда: увидев, как полудохлый вторженец ныряет в море вместе с их капитаном, а после из ниоткуда появляется огромный фрегат в сопровождении неестественно густого бледного тумана, ничего иного, кроме как попытаться вытащить своего начальника, они сделать не могли. Банальный страх от осознания, что Одеска – единственный разумный, кто сможет объяснить всё произошедшее вышестоящим, и без

которого весь действующий состав четвертого подразделения ожидает в лучшем случае расформирование и куча проверок на профпригодность, а в худшем – сдача их в рабство на откуп Небесным Драконам. Последний... термин, отражался в душе моего информатора диким страхом, а среди ассоциаций всплывали то жирные уродливые туши в «благородных прикидах», то обычные люди, с которых заживо сдирают кожу. Странные тут забавы, однако.

Так и вышло, что куча слабосилков ринулась на абордаж, и тут же оказалась повязана разумным кораблем, а пластичные и подвижные оболочки их душонок стянуты силами Голландца... даже мой верный друг оказался удивлен подобной небрежностью, но убивать никого не стал. Как и положено члену команды, он дожидался приказа Капитана, что и должен решать судьбу пленных.

Что же касается Одеска... Из того, что я понял: выдергивать его душу ради получения информации – глупость! Сейчас мне не хватает самых базовых знаний, которые можно получить у любого зажиточного гражданина: торговца, купца, аптекаря, ученого... да даже держатель постоянного двора – и тот подойдет. А уж если удастся захватить владельца какого порта... даже в самом маленьком городке... Хотя зачем? Мой куш куда серьезней – целый отряд из секретной правительственной организации. Бери не хочу! Тратить Одеска на знания подобной градации, когда есть его подчиненные – бред. А изъять что-то ценное, без базовых знаний не выйдет – не знаю, что искать и куда смотреть.

Иного выхода не остается, ибо Одеска пусть и является ценным источником информации, но прямо сейчас им воспользоваться я не смогу. Но зато смогу использовать его по-другому, а если повезет, получить потом много больше, чем если бы я просто запер вкусняшку в кладовке и... какую, к Дьяволу, вкусняшку?! А, желания Голландца. Отвык уже от нормальной связи, нужно заново учиться отфильтровывать его эмоции от своих. Уж больно понравилась кораблику душа Одеска. Точнее тот кусок, что к ней прицепился. Хм-м-м... Пожалуй... можно приступить уже сейчас.

- Что... ты... делаешь... – просипел пленник, во все глаза следя за моими пальцами. Покрывшись бледным огнём, они вырисовывали нужные символы, оставляя горящие следы прямо в воздухе.

- Не думаю, что тебе нужно это знать. А может и нужно? Хм-м-м... Нет, точно не нужно.

- Что... Кх-х-х... А-а-а-а! – повинуюсь движению руки, письма легли на грудь пленника, прожигая одежду насквозь. Они отпечатывали свою суть не просто на коже – это-то закаленный агент мог и вытерпеть, но на душе! Отчего и крик мужчины стоял страшный, а по завершении... он повис поломанной куклой на реях. Бессознательной, но живой.

Осколок души достаточно плотно сросся с его собственной оболочкой, но был крайне далёк от полного слияния, когда извлечь его без убийства донора стало бы невозможным. Успех операции был ожидаем, и я даже приготовил сосуд для частички – сердце подчиненного Одеска, что наполнилось жизненной силой не слабее моего собственного, но вот чего я не ожидал, так это активизации фрагмента души, едва тот занял своё временное пристанище. Чужое сердце забилося в моих руках, а изнутри него повеяло нестерпимой жаждой крови, что даже меня пробрала. А после... нечто знакомое откликнулось на сей порыв. Из глубины осколка просочилась энергия Калипсо. И хоть она была гораздо, гораздо слабее той, что не так давно омывала и излечивала мою душу, но даже так лишь скромная частичка этой силы сумела подавить агрессивный фрагмент, а после перелилась в физический план. Сердце начало покрываться витиеватыми узорами из голубого света, и лишь с последним витком оно засияло, полностью сменив свою форму. В руке у меня лежал всё тот же, по своей сути, сосуд –

физическая компонента, внутри которой был запечатан кусок чужой души, да только внешне он теперь и близко не напоминал исходное человеческое сердце. Странный предмет каплевидной формы, верхняя половина которого была синей, покрытой пушистыми завитушками, отдаленно напоминающими перья, а нижняя – красная полусфера, будто сложенная из отдельных, с ноготь размером, матовых чешуек.

И более от этого объекта не ощущалось влияние моей Богини, но... я знал, что сила её до сих скрыта где-то внутри.

- И что это за хрень? – вырвалось само, – Нет, я понимаю, что это запечатывающий конструкт с... дополнительными рунами... какими-то... Надо исследовать!

Разворот на пятках, да прямой путь в каюту, а взгляд не отрывается от странных структур, что полнились в этом сосуде... Что-то зудело на фоне, но отвлекь меня от столь интересной игрушки, которая, к тому же, явно связана с моей богиней? Плевать! Всё подождёт!

Правда, Голландцу об этом сказать забыли. Десяток шкотов обвилились вокруг меня, развернули тело на сто восемьдесят градусов, и направили голову в сторону бессознательного Одеска.

- Ладно-ладно, я понял... А ну убрать концы от Капитана! – один рывк, и полная свобода, – Распоясался! Вот доиграешься, начну тебе прививать дисциплину.

В душе отозвалось наигранной покорностью, да только подкрадывающийся сзади канат явно собирался сделать что-то плохое. Возможно, даже богомерзкое...

Суровый взгляд опалил непослушную веревку, и на пока что этого оказалось достаточно. Буду ли я что-то делать с подобной дерзостью? Конечно нет! Ведь мне весело, и корабль чувствует это. Как и я чувствую его желание сожрать кого-нибудь из висельников – потому он и хотел, чтобы я разобрался с остатками Одеска, и либо скормил их ему, либо использовал для своей нужды. А нужда у меня была, и пусть я рассчитывал сперва заняться чем-то более интересным, но... нельзя было затягивать с реализацией моих планов на этого до жути полезного капитана.

Второй ритуал был не многим сложнее первого, разве что для Одеска он прошел более комфортно. Одно дело – отрезать от его сути то, что уже начало становиться её частью. Ампутация без обезболивающего, при том, что операции на душу всегда проходят очень-очень болезненно, по себе знаю. Совсем же другое – поместить на место отрезанного и изъятого нечто маленькое, совсем незаметное... Небольшая примочка из внутренней энергии моей души. Всего лишь руническая вязь с пробоем, запитанная от меня через этот самый пробой, позволит по одному моему желанию услышать и увидеть всё, что слышит и видит Одеска. А еще получить доступ к самым последним его воспоминаниям. Что-то старое таким образом не достать, но вот свежие сведения – вполне.

А дальше – дело за малым. Голландец, что изначально создавался как перевозчик мертвых душ, может свободно пересекать границу между миром живых и миром мертвых. В последнем, кстати говоря, мы сейчас и находимся. Единственное требование для такого путешествия – наличие воды. Живой из мира живых, или мертвой из мира мертвых. Я же, как единоличный и полноправный капитан Голландца, сам могу определять, кто из пассажиров корабля достоин пересечь грань, а кто – нет. Нужно понимать, что как живым созданиям нет места в мире загробном – мир меняет их под свои нужды... банально убивает, создавая неуспокоенное отродье, чья плоть гниет, а душа не может найти из неё выход. Так и духам нет места в мире живых. Там они страдают, и чем дольше пребывают вне границ «верного» своего обиталища, тем дальше отходят от возможности продолжить свой путь в вечность, вплоть до полного её

лишения. Забвение – не самая страшная участь, ведь существуют те, кто жаждет его заполучить, да не могут... Знал я таких, сам же лично и запер пред ними врата к тому свету. Всё это верно, но лишь до тех пор, пока не касается Голландца. Власть, что принадлежит капитану корабля-призрака... она не безгранична, но даже низшие боги, и те не могут творить с душами то, что могу я. А значит... я могу сделать так!

Висящие на реях агенты жадно впитывали каждый звук, доносящийся снизу. Никто и никогда из них не слышал криков боли от капитана, а потому доселе сдерживаемый ужас наконец коснулся сердец и разумов пленников чудовища. Их напугал крик Одеска, но тишина, последовавшая за ним, пугала куда сильнее. Безумец, одолевший всех их, что-то бормотал внизу. С кем-то разговаривал, но даже самые глупые из них понимали: точно не с их капитаном. Вот, лепет сумасшедшего подошел к концу, и те, кто оказался ближе всех к палубе, могли поклясться, что тот выбросил тело их капитана за борт, а после безумно рассмеялся, но смех его заглушили раскаты грома, а свет неожиданно вспыхнувшей зеленой молнии пробился даже сквозь плотную ткань мешков на головах пленников. Жуть и отчаяние плясали в душах людей как никогда прежде.

- Хорошо пошёл! – заметил пленитель напоследок, и голос его, лучащийся весельем, удалялся,
- Можешь сожрать одного... Только не этого! У него тоже придаток интересный. Выбери там кого-нибудь пожирнее. Всё, меня не отвлекать.

Некоторые, у кого нервы слабее, забились в путах, пытаясь порвать их. Другие, напротив, замерли, чтобы не оказаться сожранными неведомым чудовищем. И лишь один, ощутив, как затягиваются веревки на его шее, издал неистовый вопль, да только тело его отказалось слушаться, породив на свет короткий предсмертный писк. На одного агента в рядах повешенных стало меньше, а перевозчик душ наконец получил своего первого пассажира, и плату с него он возьмёт соответствующую.

<http://tl.rulate.ru/book/110651/4173612>